ДЕТАЛИ ГОРОДА

Святилища в парках

Основная обрядовая деятельность родноверов происходит на природе и связана с календарной обрядностью. В условиях города родноверческие святилища находятся в парках или в лесах ближайших пригородов. С одной стороны, почитание природы является одной из основных ценностей родноверия, и природный ландшафт — наиболее удобное место для священнодействия. С другой — есть необходимость скрыться от посторонних глаз. На фото элементы святилищ Москвы.

СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫЧЕСТВО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Фольклор и антропология города Т. 8. N. 3. 2026
Тип публикации: вступительная статья
EDN: GTFRAC

Язычество или язычества? Антропология многообразия и аутентичности

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТРЫНКИНА [1]

✉ gamagadoki@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6432-204X
[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Трынкина, Д. А. (2026). Язычество или язычества? Антропология многообразия и аутентичности. *Фольклор и антропология города, 8*(3), 8–14.

Дата поступления в редакцию: 20.07.2026
Дата принятия к публикации: 25.08.2026
© Д. А. Трынкина

Urban Folklore & Anthropology, V. 8. N. 3. 2026
Publication type: editorial introduction
EDN: GTFRAC

Paganism or Paganisms? An anthropology of diversity and authenticity

DARIA A. TRYNKINA [1]

✉ gamagadoki@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6432-204X
[1] Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

To cite this article:
Trynkina, D. A. (2026). Paganism or Paganisms? An anthropology of diversity and authenticity. *Urban Folklore & Anthropology*, *8*(3), 8–14.

Received: 20.07.2026
Accepted: 25.08.2026
© Daria A. Trynkina

Неважно, прерывались ли традиции,
боги не прерывались.
Виктор Арадия

Нынешний выпуск «Фольклора и антропологии города» посвящен современному язычеству как религиозной категории. Сразу же нужно оговориться: в исследовательской литературе не существует единого определения термина «современное язычество», а сами верующие далеко не всегда используют «язычество» как первичное самообозначение. Викка, родноверие, асатру, кеметизм или друидизм значительно различаются и вероучением, и историей, поэтому и для верующих, и для разных авторов этого сборника использование термина «язычество» будет разным. В качестве отправной точки для его толкования можно взять определение Итона Дойла Уайта: «современное язычество охватывает широкий спектр религий, черпающих вдохновение в дохристианских традициях Европы, Северной Африки и Западной Азии»[1], однако, как показывают статьи этого номера, вслед за религиоведом Сабиной Мальокко лучше говорить о разных «язычествах», во множественном числе, нежели о едином явлении [Magliocco 2012: 150].

При этом мы сознательно избегаем распространенного в отечественной литературе термина «неоязычество». Приставка «нео-» кажется удобной исследователю, поскольку позволяет отделить современные движения от религий прошлого, однако одновременно она функционирует как оценочная категория, которая как будто говорит о «неаутентичности» современного язычества, его вторичности по отношению к язычеству прошлого. Многие язычники не принимают такого обозначения именно потому, что не считают свою религию «новой» и не проводят столь жесткой границы между собой и язычниками прошлого. Авторы сборника «Современное язычество в мировых культурах» сознательно избегали этого термина по прямой просьбе респондентов, воспринимавших «нео-» как ненужное и уничижительное обозначение [Strmiska 2005: 9].

Отказ от приставки «нео-» при этом вовсе не означает отказа от академического анализа языческих традиций. Речь лишь о том, что «аутентичность», понимаемая как древность или непрерывность традиции, не может служить критерием ценности той или иной религии. Как отмечал Рональд Хаттон, «принять ее как таковую означает отодвинуть на второй план, если не вовсе сбросить со счетов, то, что всегда считалось двумя наиболее важными аспектами религиозной аутентичности: отношения между последователями

[1] Doyle White, E. (2023). Modern Paganism. *Encyclopaedia Britannica*. Retrieved from: https://www.britannica.com/topic/modern-Paganism

религии и божествами или духовными сущностями, которых они почитают, и воздействие, которое эти отношения оказывают на общество. Если последователи религии глубоко в душе ощущают подлинность контакта со своими божественными сущностями, то уже в этом заключается аутентичность этой религии. Если при этом она в целом действует как благая сила в окружающем ее обществе <…> обогащая культуру концептами и мотивами и внося значительный вклад в искусство, литературу и музыку, — то появляется и другое основание для признания ее аутентичности» [Hutton 2019: 430].

Таким образом, мы не будем связывать аутентичность исследуемых религий исключительно с древностью или непрерывностью традиции и одновременно постараемся охватить как реконструируемые традиции, так и те, которые продолжают воспроизводиться внутри локальных сообществ.

Как бы ни проводились границы категории язычества, речь идет о заметном и растущем религиозном поле. По данным переписей и опросов, сотни тысяч людей во всем мире называют себя язычниками. Так, опрос проекта АРЕНА, проведенный службой «Среда» и Фондом «Общественное мнение» в 2012 году, показал, что 1,2% взрослых россиян выбирали формулировку «исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы»[2]. В публикациях по итогам проекта эта доля пересчитывалась примерно в 1,7 млн человек, однако такой пересчет производился от общей численности населения, тогда как выборка исследования охватывала лиц 18 лет и старше (в таком случае, цифра примерно равна 1,4 млн человек[3]).

По переписи Эстонии 2021 года к родному язычеству (Maausk и Taarausk) отнесли себя 0,5% населения в возрасте 15 лет и старше (5 700 чел.)[4]. В Исландии, по данным государственного реестра на 2026 год, в двух зарегистрированных языческих организациях состояли 6190 человек (около 1,57% населения): 6158 — в Ásatrúarfélagið и 32 — в Reykjavíkurgoðorð[5]. По данным последних десяти лет значительно выросло число язычников в Великобритании. В Англии и Уэльсе (без Шотландии) по переписи 2011 года многие себя назвали язычниками [heathen][6] (1958), язычниками [pagan] (56 620), друидами (4 189), викканами (11 766) и ведьмами (1 276)[7]. В 2021 году пере-

[2] https://sreda.org/arena; о методике исследования: https://sreda.org/arena/about-project

[3] Расчет автора на основании доли, полученной в исследовании АРЕНА, и данных Росстата о среднегодовой численности населения России по полу и возрасту за 2012 год.

[4] Tiit, E.-M. (2024). *Eesti rahvastik. Loendamata loendatud.* Tallinn: Statistikaamet. Lk 54.

[5] https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Samfelag/Samfelag__menning__5_trufelog__trufelog/MAN10001.px/table/tableViewLayout2/

[6] Для многих язычников термин «pagan» имеет негативную окраску.

[7] https://www.nomisweb.co.uk/census/2011/qs210ew

пись показала рост практически всех этих категорий, кроме ведьм и друидов: язычники [heathen] (4 721), язычники [pagan] (73 733), друиды (2 490), виккане (12 813) и ведьмы (1 045)[8]. В совокупности численность этих пяти категорий выросла с 75 809 человек в 2011 году до 94 802 в 2021 году, то есть примерно на 25%. Перепись 2022 года показала, что в Шотландии проживает около 19 113 язычников (0,35% населения), и заодно ввела саму графу «язычник» — [pagan][9]. Рост фиксируется и в США: по данным серии American Religious Identification Survey (ARIS), в 1990 году в США было всего 8 тыс. человек, которые называли себя «викканами». К 2001 году их число выросло до 134 тыс., а к 2008 году — до 342 тыс. Впервые данные по категории «язычник» [pagan] были представлены в 2001 году, тогда же она насчитывала 140 тыс., а в 2008 году — уже 340 тыс. человек. Таким образом, в 2008 году только к двум категориям — Wiccan и Pagan — относили себя в совокупности около 682 тыс. американцев[10]. По данным Pew Research Center в 2014 году категория Pagan/Wiccan составляла 0,3% взрослого населения США[11], в исследовательской литературе соответствующая численность оценивается примерно в 734 тыс. человек [Mueller 2023: 207]. Во многих странах число язычников растет день ото дня: это живое сообщество, которое играет важную роль в современной культуре, этике и формировании представлений о прошлом.

Исследования современного язычества зачастую оказываются на пересечении нескольких дисциплинарных полей, и различие между ними определяется не столько самим объектом, сколько исследовательской оптикой. Антропологическая перспектива позволяет рассматривать язычество прежде всего как способ организации социальной жизни: формирования сообществ, производства и легитимации социальных классификаций, конструирования индивидуальной и коллективной идентичности, создания сакрального пространства и способов обращения с прошлым. В этом отношении для антропологов предметом исследования оказывается не столько содержание верований само по себе, сколько то, каким образом религиозные представления становятся частью повседневных практик, социальных отношений и способов интерпретации собственного опыта. Именно поэтому вопросы ритуального пространства, наследия, конструирования традиции или сочетания

[8] https://www.nomisweb.co.uk/datasets/c2021ts031

[9] https://www.scotlandscensus.gov.uk/media/1ioiuhvx/scotland-s-census-2022-ethnic-group-national-identity-language-and-religion-chart-data_new-1.xlsx

[10] https://www2.census.gov/library/publications/2010/compendia/statab/130ed/tables/11s0075.pdf P. 61.

[11] https://www.pewresearch.org/religion/wp-content/uploads/sites/7/2015/05/RLS-08-26-full-report.pdf P. 159.

различных религиозных практик являются не периферийными по отношению к религиоведению, а собственно антропологическими.

Особый интерес современное язычество представляет и для антропологии города. Значительная часть языческих движений существует в условиях, в которых религиозная традиция утрачивает характер бурдьёвской доксы и перестает восприниматься как неотъемлемая часть унаследованной космологии. В городской среде традиция становится предметом сознательного выбора, поиска и реконструкции. Обращение к дохристианскому прошлому, создание новых ритуальных пространств, принятие новых религиозных имен, формирование представлений о культурно и географически удаленной религиозной традиции оказываются способами заново выстроить связь с прошлым и сообществом и придать ей конкретную форму. Город в данном случае важен не просто как территория, на которой живут или встречаются последователи новых религиозных движений, но как одна из ключевых социальных сред посттрадиционного порядка, где рефлексивная работа с традицией становится одним из способов религиозного самоопределения. При этом подобная перспектива вовсе не требует ограничивать антропологию города практиками, локализованными непосредственно в городской черте: сопоставление их с религиозностью, сохраняющей тесную связь с локальным сельским сообществом, позволяет увидеть различные способы существования и воспроизводства языческой традиции в современном обществе.

В этом номере мы поговорим о разных гранях современного язычества в антропологической перспективе.

Дмитрий Вячеславович Громов обращается к пространству родноверческого обряда и показывает, как при всей вариативности отдельных святилищ в них складывается общая иеротопическая матрица — с сакральным центром, границами и особым порядком их пересечения. Причем особенно интересно, что эта система формировалась не по заранее заданному образцу, а стихийно, через развитие обрядовых практик, обмен опытом и своего рода метод проб и ошибок.

Роман Витальевич Шиженский рассматривает, пожалуй, один из самых наглядных способов конструирования новой религиозной идентичности — принятие языческого имени. Для большинства его респондентов «второе» имя становится основным, а зачастую и своеобразным пропуском в микромир «своих» — при том, что подавляющее большинство опрошенных вообще не состоит в языческих общинах.

Кирилл Михайлович Королев, в свою очередь, пишет о конструировании «Севера» и «Северной традиции» в российском язычестве. Север здесь оказывается уже не столько географией, сколько мифологической прародиной и способом сделать изначально «чужую» германо-скандинавскую традицию своей — вплоть до пре-

вращения самого понятия «Север» в маркер, позволяющий опознавать «своих» среди «чужих».

В статье Дмитрия Дмитриевича Гальцина рассмотрен совершенно уникальный для отечественной историографии вопрос о появлении и развитии политеизма у теоретиков современного язычества, что рождает своего рода парадокс — однако парадокс ли? История викки показывает, что движения от многобожия к единой божественной паре было вполне осознанным, и Дмитрий Дмитриевич сейчас анализирует обратный вектор, характерный уже для викки и ведовства наших дней.

Статья Дмитрия Станиславовича Хомкова посвящена российскому кеметизму — особенно любопытному случаю реконструкции культурно и географически далекой религиозной традиции. Российские кеметисты существуют преимущественно в неформальных и цифровых сообществах, но при этом создают вполне офлайновые формы религиозной жизни — от домашних алтарей до существовавшего в Петербурге кеметического пространства «Уанэт».

Статья Германа Юрьевича Устьянцева вводит в оборот новый материал, собранный в последних полевых сезонах. И если предыдущие статьи касались язычества как культуры, сформированной и процветающей в среде города, то Герман Юрьевич работает с материалом, собранным как среди городских, так и среди сельских удмуртов — однако и здесь религиозная идентичность и сама суть удмуртского язычества формируются через единый механизм, что и в городской среде: в первую очередь через участие в коллективных ритуалах.

И мой небольшой обзор о вышедшем несколько месяцев назад ридере о разных направлениях исследований ведьм — он привносит измерение политики и этики в это многообразное и сложное поле.

В портфеле редакции в этот раз оказались рецензия Марии Викторовны Кучеренко на книгу Мэтта Томлинсона «Беседуя с мертвыми», посвященная современному австралийскому спиритуализму как диалогу между аудиторией, медиумом и миром духов, и неожиданно связанная через тему мертвых как нечеловеческих акторов статья Валерии Александровны Топоровой о создании места памяти Юрия Шатунова под Профсоюзным мостом по инициативе девелоперской компании «Брусника» и при участии локального фан-сообщества.

От имени приглашенных редакторов этого номера, Дмитрия Вячеславовича Громова, Кирилла Михайловича Королева и вашей покорной слуги хочется выразить благодарность всем коллегам, которые согласились поучаствовать в этом номере, и всем читателям, которые с должным интересом и скептицизмом взглянут на наш труд.

И будьте благословенны.

Литература/References

Hutton, R. (2019). *The triumph of the moon: A history of modern Pagan witchcraft*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

Magliocco, S. (2012). Neopaganism. In O. Hammer, M. Rothstein (Eds.). *The Cambridge companion to new religious movements*, 150–166. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CCOL9780521196505.011

Mueller, M. (2023). "Ye shall be naked in your rites": Ritual attire and ritual nudity (skyclad) in North American Wicca. In M. W. Dallam, B. E. Zeller (Eds.). Religion, attire, and adornment in North America, 207–226. New York: Columbia University Press. https://doi.org/10.7312/dall20444-010

Strmiska, M. F. (2005). Modern Paganism in world cultures: Comparative perspectives. In M. F. Strmiska (Ed.). *Modern Paganism in world cultures: Comparative perspectives*, 1–53. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.